

большой цивилизационный, географический и т.п. потенциал. Примером, достойным подражания, могут служить добрососедские деловые отношения между Россией и Финляндией, а ведь эти две страны в XX веке трижды воевали друг с другом.

Russia and the Baltic States (Summary)

*Georgy M. Velyaminov**

Since 1945 and till 1991 the Baltic Republics (Latvia, Lithuania and Estonia) constructively and loyally participated in the common State life of the USSR on absolutely equal terms with other Soviet Republics. To all intents and purposes the Baltic Soviet Republics could not legally and impartially be treated as «occupied». The conception of the so-called “Uninterrupted Statehood” of Latvia, Lithuania and Estonia since 1920 and up to now is totally fictitious and absurd legally. History is a stubborn substance and does not allow to strike out half a century period of the Soviet Statehood of three countries.

The moods of neo-Nazi revanchism, Russophobia and anti-Semitism in the now-a-days Baltic States are really artificially instigated and cultivated by the so-called “yesterday’s forever”, the belated Nazi-followers, as well as by some Western global strategists eager to create their anti-Russian outposts at the Baltic States. The most spectacular, senseless and unlawful at that is the promotion of claims to Russia “to compensate” some fanciful damages due to “occupation”.

The sensible policy of Russia vis-a-vis the Baltic States would be the dignified and weighed repulse to any anti-Russian activities and provocations, but for the most part a conduct of all-round policy of mutually beneficial economic and cultural regional co-operation.

* Georgy M. Velyaminov – Doctor of Laws, Professor, Chief Research Fellow at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Arbitrator of the International Commercial Arbitration Court at the RF Chamber of Commerce and Industry.

Вторая Гаагская конференция мира 1907 г. и дальнейшее прогрессивное развитие международного гуманитарного права

*Котляров И.И.**

Роль Второй конференции мира в становлении и дальнейшем развитии международного гуманитарного права лучше видится во взаимной связи ее результатов с итогами предшествующей Первой конференции мира, проходившей по инициативе России с 6 (18) мая по 17 (29) июля 1899 г., по завершении которой государства-участники подписали три конвенции: 1) О мирном разрешении споров; 2) О законах и обычаях сухопутной войны; 3) О применении к морской войне начал Женевской конвенции 10 (22) августа 1864 г., а также три декларации: О запрещении метать снаряды и взрывчатые вещества с воздушных шаров или при помощи иных подобных новых способов; О запрещении употреблять снаряды, имеющие единственное назначение – распространять удушливые или вредоносные газы; О запрещении употреблять пули, легко разворачивающиеся или сплюсчивающиеся в человеческом теле.

Кроме того, в документах Первой конференции содержался ряд рекомендаций: создать специальную конференцию для пересмотра Женевской конвенции 1864 г.; включить в программу будущей конференции вопрос о правах и обязанностях нейтральных стран; изучить вопросы о вооружении морского флота с целью заключить соглашение; изучить возможности заключения соглашения об ограничении вооруженных сил и военных бюджетов; рассмотреть вопрос о неприкосновенности частной собственности в морской войне; создать конференцию для рассмотрения вопроса об урегулировании бомбардировок морскими военными силами¹.

Эти и другие проблемы и стали предметом обсуждения на Второй конференции мира, созванной также по инициативе России, после заключения ею в сентябре 1905 г. Портсмутского мирного договора с Япо-

* Котляров Иван Иванович – профессор Московского университета МВД России.

¹ Колодкин А., Шатуновский С. 100-летие Первой конференции мира // Международная жизнь. 1997. № 1. С. 87.

нией. Министр иностранных дел Ламздорф поручил российским представителям в 47 государствах запросить мнение о созыве Второй конференции в Гааге. Реакция повсеместно оказалась положительной. Российскому МИД в лице Ф.Ф. Мартенса вновь предстояло выступить организатором намеченной конференции. Его успешная работа по подготовке конференции 1899 г. была основным поводом для рекомендации его в организаторы новой конференции. Министр иностранных дел предложил Мартенсу председательствовать в двух межведомственных комиссиях – по подготовке программы и по подготовке проектов решений конференции. Мартенс оказался в ситуации, аналогичной той, которая возникла в 1898 г. Созыв Второй конференции мира был для него желанным и близким делом. Ведь уже в программе для конференции 1899 г. он заложил идею разделения поднимавшихся вопросов на две группы, с тем чтобы наиболее подготовленные из них обсудить на Первой конференции, а остальные перенести на следующую. Сам он на конференции 1899 г. не раз выступал с предложением отложить обсуждение спорного вопроса до будущей встречи. Более того, с позиций своей теории международного общения и международного управления Мартенс считал целесообразным периодическое проведение таких конференций. Он рассматривал их как важные органы международного управления. Свой взгляд на проблему он (в мае 1908 г.) сформулировал следующим образом: «Я смотрю на Гаагские конференции исключительно как на правительственные попытки *организовать и упорядочить* взаимоотношения народов на пользу мира и лучшего взаимного общества. Но я никак не думаю, что какой-либо международной конференции удастся водворить вечный мир и привести к разоружению»². Вторая конференция мира проходила в Гааге со 2 (15) июня по 5 (18) октября 1907 г.³ Она завершилась принятием конвенций, которые имеют следующие порядковые номера, часто приводимые в международно-правовой литературе:

I. О мирном решении международных столкновений.

² Цит. по: Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс – юрист, дипломат. М., 1999. С. 241–242.

³ В ней приняли участие 44 государства, включая 17 стран Центральной и Южной Америки. Форум с участием государств Европы, Америки и Азии принял небывалые до тех пор масштабы. Целый ряд государств выступали на такой конференции впервые. Многочисленны и весьма представительны были их делегации, включавшие министров, послов, генералов и адмиралов. В их составе были видные юристы. В целом конференция собрала цвет юристов-международников. Всего на конференции присутствовало 232 делегата.

II. Об ограничении применения силы при взыскании по договорным долговым обязательствам.

III. Об открытии военных действий.

IV. О законах и обычаях сухопутной войны.

V. О правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в сухопутной войне.

VI. О положении неприятельских торговых судов при открытии военных действий.

VII. Об обращении торговых судов в военные.

VIII. Об установке автоматических контактных подводных мин.

IX. О бомбардировке морскими силами во время войны.

X. О применении к морской войне начал Женевской конвенции.

XI. О некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне,

XII. Об учреждении международного призового суда.

XIII. О правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны⁴.

Все Гаагские конвенции 1907 г. (за исключением XII, не вступившей в силу) признаны большинством государств мира, являются действующими и сохраняют свою силу как общепризнанные международно-правовые акты, закрепившие обычные нормы (правила) ведения войны на суше и на море. Гаагские конвенции не регулируют правил ведения воздушной войны, так как Декларация о запрещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров утратила свое значение вследствие отказа со стороны ряда государств ратифицировать ее. В Заключительном акте Второй Гаагской конференции мира от 18 октября 1907 г. был подведен итог работе форума, перечислены выработанные конвенции и декларации. Было принято решение опубликовать все решения Второй конференции. В Заключительном акте подчеркивалось, что конференция подтверждает постановление 1899 г. «Об ограничении военного бремени» и рекомендует правительствам стран, участвовавших в ней, серьезно изучить этот вопрос⁵.

⁴ См.: Юридический словарь. М., 1956. С. 152–154.

⁵ В области ограничения вооружений не было достигнуто каких-либо конкретных результатов. Но конференция подтвердила и подкрепила тот факт, что начиная с 1899 г. вопрос о разоружении в той или иной форме стал постоянным пунктом соответствующих международных форумов. Его рассмотрение в Гааге оказалось не эпизодом, а началом долгого и сложного пути, по которому и сейчас идет развитие международных отношений.

Заключительный акт установил срок подписания конвенций и Декларации до 30 июня 1908 г.

Россия ратифицировала Гаагские конвенции в 1907 г. (кроме VIII, XI и XII)⁶. В последующем революционные события 1917 г. в России не изменили отношения советской власти к ранее заключенным договорам, относящимся к международному гуманитарному праву⁷.

Принятые Второй конференцией мира международно-правовые документы в своей основе были направлены на создание органа для мирного разрешения международных столкновений, а также решение проблем межгосударственных отношений во время войны:

– урегулирование отношений между державами во время сухопутной войны;

– установление правил ведения морской войны.

Говоря о важности мирного урегулирования международных столкновений, необходимо заметить, что в международных отношениях того времени существовала довольно широкая практика посредничества, третейского разбирательства и некоторых других форм разрешения межгосударственных споров. Российский ученый Ф. Мартенс сам не раз выступал в качестве международного арбитра. Так, в 1893 г. он участвует в третейском разбирательстве по спорным вопросам между Великобританией и США относительно рыболовства в Беринговом море; в 1895 г. – англо-голландском споре в отношении английского китобойного судна «Коста-Рика — Паккет». Именно тогда, столкнувшись со сложной юридической ситуацией, он впервые сформулиро-

⁶ См.: Международное право в документах. Сборник важнейших международно-правовых актов. Сост. Н.Т. Самарцева. М., 1969. С. 482.

⁷ 4 июня 1918 г. был опубликован Декрет о признании всех международных конвенций о Красном Кресте. Совет Народных Комиссаров РСФСР доводил до сведения Международного Комитета Красного Креста в Женеве и правительств всех государств, признавших Женевскую конвенцию, что эта Конвенция, как в первоначальной, так и во всех ее позднейших редакциях, а также и все другие международные конвенции и соглашения, признанные Россией до октября 1915 г., признаются и будут соблюдены Российским Советским правительством. См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами. Вып. I. Петроград, 1922 С. 226–227.

Кроме того, значительно позже Советское правительство в ноте от 7 марта 1955 г. правительству Голландии заявило, что оно признает ратифицированные Россией Гаагские конвенции и декларации 1899 и 1907 гг., разумеется, в той мере, в какой эти конвенции и декларации не противоречат Уставу ООН, и если они не были изменены или заменены последующими соглашениями, участником которых является СССР. См.: Международное право в документах. Указ. соч. С. 482.

вал принцип подсудности капитана за правонарушения в открытом море согласно законам флага судна. Принцип получил всеобщее признание. Несколько позже (1899 г.) Мартенс возглавил третейский трибунал из пяти человек (двух английских и двух американских юристов) по спору между Великобританией и Венесуэлой (на процессе ее представляли США) относительно прохождения границы в бассейне Ориноко⁸.

Поэтому на конференциях мира речь шла не об установлении каких-то новых правил, а о приведении в систему и юридическом закреплении существующей практики. В то же время еще при подготовке Первой конференции мира Ф.Ф. Мартенс предостерегал против иллюзии, что можно создать международный суд, обязательный для всех государств «всегда и во всех случаях». По этой проблеме не ожидалось принципиальных возражений со стороны участников, однако, как показали дебаты в комиссии по мирному урегулированию споров в ходе Первой конференции 1899 г., Германия и ее сторонники выступили против позиции Англии, России и США, отстаивавших обязательность передачи в третейский суд определенного круга вопросов. Итогом дискуссий на Второй конференции стало принятие ее участниками Конвенции о мирном решении международных столкновений⁹. В преамбуле этого документа отмечается стремление государств-участников «...твердую волей содействовать сохранению всеобщего мира», «...способствовать всеми силами мирному решению международных столкновений», «...расширить область действия права и укрепить чувство международной справедливости...». В ней также подчеркивается необходимость пересмотреть «по некоторым пунктам и восполнить труд Первой конференции мира, посвященный мирному решению международных столкновений»¹⁰. Конвенция предусматривает ряд эффективных средств мирного разрешения споров. Структурно она состоит из пяти разделов (О сохранении всеобщего мира – Раздел I; О добрых услугах и посредничестве – Раздел II; О международных следственных комиссиях – Раздел III; О международном третейском

⁸ Пустогаров В.В. Первая конференция мира 1899 г. и международное право // Государство и право, 1998. № 2. С. 98.

⁹ См.: Ф. Лист. Международное право в систематическом изложении. Перевод с 6-го немецкого изд. / Под ред. В.Э. Грабаря. Юрьев, 1912. Приложения. С. XCIII.

¹⁰ Там же. С. XCIII. На сегодняшний день наиболее полный текст I Конвенции 1907 г. опубликован в сборнике: Действующее международное право. В 3 томах. Том 1. Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М., 1996. С. 776–787.

суде – Раздел IV; Заключительные постановления – Раздел V), состоящих из 97 статей.

Примечательно, что множество положений I Конвенции 1907 г. звучат так, как будто бы они написаны не 100 лет тому назад, а сегодня, и поэтому являются актуальными в современных условиях развития международных отношений. В частности, в разделе I говорится о том, что «С целью предупредить, по возможности, обращение к силе в отношениях между Государствами, договаривающиеся Державы соглашаются прилагать все свои усилия к тому, чтобы обеспечить мирное решение международных несогласий» (ст. 1). Речь в данном случае идет о необходимости разрешения спорных проблем между государствами без оружия, последствиями применения которого зачастую являются бессмысленные жертвы среди воюющих сторон. В те времена такого рода идеи находили понимание и поддержку даже в среде офицеров русской армии, о чем свидетельствует наблюдение Л.Н. Толстого во время осады Севастополя¹¹.

В то же время обращает на себя внимание тот факт, что названная Конвенция принималась в период признания государствами допустимости права на войну (*jus ad bellum*), что не могло не отразиться на содержании ее норм. Так, например, в ст. II (Раздела II) Конвенции закреплена норма, в соответствии с которой «в случае важного разногласия или столкновения, прежде чем прибегнуть к оружию» Высокие Договаривающиеся Стороны соглашаются «обращаться, насколько

¹¹ В ходе Крымской войны (1853–1854 гг.) к начальнику гарнизона генералу Сакену зашел князь С.С. Урусов, очень храбрый офицер, большой чудаковитый и вместе с тем один из лучших европейских шахматных игроков того времени. Но уже через десять минут вышел из кабинета генерала с недовольным лицом. Как потом выяснилось, Урусов приходил к Сакену «за тем, чтобы предложить вызов англичанам сыграть партию в шахматы на передовую траншею перед 5-м бастионом, несколько раз переходившую из рук в руки и стоившую уже несколько сот жизней». «Несомненно, – пишет Л. Толстой, – было бы гораздо лучше сыграть на траншее в шахматы, чем убивать людей». Но Сакен не согласился на предложение Урусова, понимая очень хорошо, что сыграть в шахматы на траншее можно было бы только тогда, когда было бы полное взаимное доверие сторон во исполнение поставленного условия. Присутствие же войск, стоящих перед траншеей, и пушек, направляемых на нее, показывало, что доверия не существует. «Точно то же, – отмечает далее Толстой, – и с международными вопросами. Для того чтобы они могли быть решены третейским судом, нужно, чтобы было полное взаимное доверие держав о том, что они исполнят решение суда. Если есть это доверие, то не нужно совсем войск». См.: Толстой Л. Конференция в Гааге. Обмен мнений шведского общества и Л.Н. Толстого. Женева. Украинская типография, 1899. С. 8–9.

позволят обстоятельства, к добрым услугам или посредничеству одной или нескольких дружественных Держав». Естественно, что оговорка «насколько позволят обстоятельства» дает возможность каждому государству на свое усмотрение прибегать к указанным средствам, и, таким образом, обращение к ним, по смыслу конвенции, не является обязательной нормой в деле мирного разрешения споров. Следует заметить, что аналогичная оговорка не закреплена в положениях, касающихся деятельности международных следственных комиссий¹² и третейского суда¹³. Что касается последнего, то в конвенции указывается, что «Договаривающиеся Державы, желая облегчить возможность обращаться без замедления к третейскому суду в случае международных споров, которые не могли быть улажены дипломатическим путем, обязываются сохранить в том виде, как она была учреждена Первой Конференцией Мира, Постоянную Палату Третейского Суда, доступную во всякое время и действующую, при отсутствии иного о сем условия, сообразно порядку производства, изложенному в настоящей Конвенции» (ст. XLI).

Положения Гаагских конвенций о мирном решении международных столкновений 1899 и 1907 гг. сохраняют свою силу по сей день, являясь правовой основой деятельности международного арбитража. В соответствии с этими международно-правовыми актами в 1901 г. была учреждена Постоянная палата третейского суда (ППТС), которая существует до сих пор. Постоянно функционируют два органа: Международное бюро (канцелярия Палаты во главе с Генеральным секретарем) и Административный совет, состоящий из аккредитованных в Гааге дипломатических представителей государств – участников Гаагских конвенций. Председателем Совета является министр иностранных дел Нидерландов. Каждое из участвующих в конвенциях госу-

¹² Так, в разделе III Конвенции «О международных следственных комиссиях» говорится: «В международных спорах, не затрагивающих ни чести, ни существенных интересов и происходящих из разногласия в оценке фактических обстоятельств дела, договаривающиеся Державы признают полезным и желательным, чтобы Стороны, не достигшие соглашения дипломатическим путем, учреждали, насколько позволят обстоятельства, международную следственную комиссию, на коей будет лежать обязанность облегчать разрешение этих споров выяснением вопросов факта посредством беспристрастного и добросовестного их расследования» (ст. IX).

¹³ Как мы видим, начало формированию принципа мирного разрешения международных споров было положено в конце XIX – начале XX в. В последующие десятилетия в связи с созданием ООН он получил дальнейшее развитие и конкретизацию в Уставе ООН.

дарств (их в настоящее время около 80) назначает четырех компетентных лиц из числа своих граждан в качестве членов палаты (арбитров).

Россия – член палаты, и четыре ее юриста-международника (К.А. Бекяшев, А.Л. Колодкин, Ю.М. Колосов, С.В. Черниченко) образуют национальную группу палаты. Из общего списка членов палаты стороны в споре и выбирают арбитров. За время своего существования палата рассмотрела 26 дел. Местопребывание палаты – Гаага¹⁴.

Наряду с принятием документов, касающихся сохранения мира и предупреждения вооруженных столкновений, участники Второй конференции мира приняли Конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны, в преамбуле которой «предусмотрели и тот случай, когда придется прибегнуть к оружию...», т.е. к войне, «желая и в этом случае служить делу человеколюбия и сообразовываться с постоянно развивающимися требованиями цивилизации», признали необходимым «подвергнуть пересмотру общие законы и обычаи войны как с целью более точного их определения, так и для того, чтобы внести в них известные ограничения, которые, насколько возможно, смягчили бы их суровость...».

Следует подчеркнуть, что еще в августе 1874 г. в Брюсселе состоялась международная конференция в целях установления правил ведения военных действий государств. Россия внесла тогда на рассмотрение конференции проект международной конвенции о законах и обычаях войны, разработанный Ф. Мартенсом. Он явился основой проекта международной конвенции о законах и обычаях войны, международной декларации о законах и обычаях войны, а также Заключительного протокола Брюссельской конференции 1874 г. В нем отмечалось, что от самих правительств должно зависеть определение всего, что может стать предметом общего соглашения по этим вопросам¹⁵.

Примечательно, что этот факт не остался забытым участниками Второй конференции мира. Ими в преамбулу IV конвенции было внесено положение, в котором высоко оценивались и результаты предыдущих конференций, и заслуги русского ученого. Оно гласило, что государства «признали необходимым восполнить и, по некоторым пунктам, сделать более точными труды Первой конференции мира, которая,

¹⁴ Подробнее об этом см.: Международное право: Учебник. Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 346–349, а также: Международное право. В 3 томах. Том 1. Указ. соч. С. 776–787.

¹⁵ Мартенс Ф.Ф. Восточная война и Брюссельская конференция 1874 – 1878. Приложения. Спб., 1879. С. 36.

одушевляясь, по примеру Брюссельской конференции 1874 года, этими началами мудрой и великодушной предусмотрительности (Выделено нами. – И.К.), приняла постановления, имеющие предметом определить и установить обычаи сухопутной войны». И все это при том, что по вине западных государств в Брюсселе не удалось принять проект Ф. Мартенса в качестве юридически обязательного документа.

IV Конвенция является первым международно-правовым актом, кодифицирующим существовавшие до того времени обычные нормы и законы государств о ведении сухопутной войны, и положила начало, как считает ряд ученых, становлению «права Гааги»¹⁶. Конвенция включает преамбулу, четыре статьи и приложение к ней, содержащее Положение о законах и обычаях сухопутной войны¹⁷. В документе содержится норма о том, что «Договаривающиеся Державы дадут своим сухопутным войскам наказ, согласный с приложенным к настоящей конвенции Положением о законах и обычаях сухопутной войны» (ст. I). При этом в ст. II подчеркивается, что «постановления ... Положения, а равно настоящей конвенции обязательны лишь для Договаривающихся Держав и только в случае, если все воюющие участвуют в конвенции»¹⁸. Впервые к тому времени в международно-правовом акте закреплено положение об ответственности государств и физических лиц за нарушение законов и обычаев войны¹⁹. Заключительная ст. IV конвенции определяет, что она «надлежащим образом ратификованная, заменит в отношениях между Договаривающимися Державами конвенцию 29 июля 1899 г. о законах и обычаях сухопутной войны».

¹⁶ Автор статьи не разделяет эту точку зрения, так как в Конвенции речь идет не только об ограничении военных действий, но и о защите военнопленных в период ведения военных действий, а также указывается на обязанность воюющих сторон, относящихся к уходу за больными и ранеными, соблюдать Женевскую конвенцию.

¹⁷ Международное гуманитарное право в документах. М.: МНИМП, 1996. С. 434–444.

¹⁸ Первые международно-правовые акты, касающиеся действий воюющих государств, содержали «оговорку всеобщности» (*clausula si omnes*), согласно которой положения конвенций «были обязательны лишь для договаривающихся держав и только в случае, если воюющие участвуют в конвенции». Если же в войну вступало государство, не являющееся участником конвенции, то она переставала действовать даже в отношениях между ее участниками. Последующая практика государств (после принятия Конвенции о военнопленных 1929 г.) пошла по пути отказа от *clausula si omnes*.

¹⁹ В ст. III Конвенции значится: «Воюющая Сторона, которая нарушит постановления сказанного Положения, должна будет возместить убытки, если к тому есть основание. Она будет ответственна за все действия, совершенные лицами, входящими в состав ее военных сил». См.: Международное гуманитарное право в документах. Указ. соч. С. 435.

Достаточно содержательное и объемное для того времени Положение о законах и обычаях сухопутной войны структурно состоит из трех отделов, восьми глав. Документ в общей сложности включает около 60 статей.

Примечательно, что правила (нормы) ведения войны, регулирующие поведение воюющих, Положением о законах и обычаях сухопутной войны²⁰ определяются как «военные законы...», которые применяются не только к армии, но также к ополчению и добровольческим отрядам» при определенных четырех условиях (ст. I). Правда, несмотря на то что в большинстве литературных источников по этой проблематике отмечается, что этой статьей партизаны отнесены к воюющим²¹, на самом деле в ней о партизанах даже не упоминается²². Авторы исходят из того, что понятием «добровольческие отряды» охватываются и «партизаны»²³. Свое понимание этого вопроса достаточно определенно в свое время выразил и американский ученый Ч.Ч. Хайд. Он отмечал, что сражающиеся вооруженные силы, обладающие требуемыми признаками воюющей стороны, включают в себя не только вооруженные силы, относящиеся к главным армиям, но также и так называемых «партизан», которые определены как «вооруженные солдаты, носящие форму своей армии, но принадлежащие к частям, действующим отдельно от главных сил для того, чтобы совершать набеги на территорию, занятую неприятелем». В случае их захвата неприятелем они должны пользоваться всеми правами военнопленных²⁴. На этом

²⁰ В дальнейшем – «Положение».

²¹ См., например: Арцибасов И.Н. Международное право (законы и обычаи войны): Учебное пособие. М., 1975. С. 26–29; Он же: Международное право: Учебник. М., 1980. С. 242–243, а также: Арцибасов И.Н., Егоров С.А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М., 1989. С. 112–113; Мелков Г.М. Международное право в период вооруженных конфликтов. М., 1988. С. 18. В учебнике «Международное право» под ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунова (М., 2002) применяется терминология, соответствующая IV Конвенции 1907 г.

²² Давид Э. в своей работе «Принципы права вооруженных конфликтов» (МККК. М., 2000) говорит «о статусе участников движения сопротивления, то есть ополчении и отрядах добровольцев, не входящих в регулярные вооруженные силы». С. 321–322.

²³ Партизан [фр. partisan] – участник вооруженной борьбы в тылу вражеской армии, действующий в составе добровольческого отряда из местного населения. Массовое партизанское движение имеет очень большое значение как одна из форм всенародной борьбы против иноземных захватчиков, а также во время гражданских войн – в борьбе народных масс против эксплуататорских классов. См.: Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной, Ф.Н. Петрова, Л.С. Шаумяна. Изд. 6, перераб. и доп. М., 1964. С. 477.

²⁴ Хайд Ч.Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. Т. 5. М., 1953. С. 181.

приходится акцентировать значительное внимание по той причине, что вопрос о правомерности партизанской войны всегда вызывал много споров. В связи с подписанием и ратификацией этой конвенции правовой статус партизан нашел международно-правовое урегулирование, но в последующем этот вопрос неоднократно вызывал жаркие дискуссии среди ученых, особенно западных стран²⁵.

В Положении достаточно современно звучат нормы о том, что вооруженные силы воюющих сторон могут состоять из сражающихся и несражающихся, на которых, в случае их пленения, распространяется режим военного плена (ст. III). К воюющим отнесено также население незанятой территории, которое при приближении неприятеля добровольно берется за оружие для борьбы с вторгающимися войсками, если оно будет открыто носить оружие и соблюдать законы и обычаи войны (ст. II Положения).

Для своего времени в Положении детально урегулированы отношения воюющих сторон, касающиеся ведения военных действий, о противоправности участия в войне лазутчиков, неприкосновенности парламентариев, о заключении соглашений о капитуляции и перемирии, о военной власти на территории неприятельского государства.

Говоря о морском аспекте Второй конференции мира, следует отметить, что Ф.Ф. Мартенс как раз и возглавлял четвертую комиссию, которая занималась военно-морскими проблемами. Ее он считал «самой трудной». Для такого мнения имелись веские основания. Прежде всего, Англия впервые согласилась на столь широкое обсуждение законов и обычаев морской войны, и уже одно это указывало на имевшиеся сложности. Кроме того, англо-германское соперничество на море проявлялось в те годы особенно остро. В обстановке противоречий Мартенсу как председателю приходилось нелегко. Ему нередко требовались не только юридические знания, но и искусство дипломата, чтобы преодолеть разногласия и не допускать тупиковых ситуаций. Так,

²⁵ Вопросы, касающиеся статуса партизан, с полной остротой встали в годы Второй мировой войны. Они не потеряли своей актуальности и в послевоенный период – партизанские войны стали частым явлением как в международных, так и в немеждународных вооруженных конфликтах. Анализ военных конфликтов и локальных войн показывает, что в большинстве из них партизанские действия для одной из сторон длительное время были главной формой вооруженной борьбы. Причем в гражданских и национально-освободительных войнах, пока прогрессивные силы не создавали свои регулярные армии, партизанские действия оставались единственной формой вооруженной борьбы.

он всячески стремился сдержать рост англо-германского антагонизма в комиссии. В частной беседе он разъяснил германскому представителю, что впервые Англия согласилась обсуждать вопросы морской войны на международной конференции и нужно проявлять больше гибкости, чтобы не сорвать все дело. Тем не менее комиссия Мартенса первой завершила работу, после чего он сделал обобщающий доклад о всех проектах по праву морской войны. Итоги работы комиссии обсуждались на пленарном заседании конференции и были одобрены без возражений. Глава российской делегации посол А.И. Нелидов как председатель конференции высоко оценил работу четвертой комиссии. Это был явный успех, имевший важное значение: был сделан первый шаг в кодификации права морской войны²⁶.

Таким образом, итоги Второй конференции мира дают нам возможность с расстояния столетней давности оценить ее международное (историческое, политическое, правовое) значение.

1. Первая и Вторая конференции мира явились наглядным примером проявления политической активности России на международной арене в конце XIX – начале XX в., результатом чего явилось принятие конвенций, кодифицировавших законы и обычаи войны, актуальность которых сохраняется и в современных условиях.

2. Анализ содержания этих конвенций красноречиво свидетельствует о том, что они явились аккумулятором идей, нашедших в последующем договорное закрепление в Женевском протоколе о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств 1925 г., Правилах о действиях подводных лодок по отношению к торговым судам в военное время 1936 г., Нионском соглашении 1937 г., Женевских конвенциях от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны, Дополнительных протоколах к ним I, II 1977 г. и Дополнительном протоколе III 2005 г., Гаагской конвенции о защите культурных ценностей 1954 г. и протоколах к ней (Протокол 1954 г. и Второй дополнительный протокол 1999 г.), Конвенции о запрещении производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 г., Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения и имеющими неизбирательное действие, 1980 г. и протоколах к ней (О необнаруживаемых осколках – Протокол I;

²⁶ См.: Пустогаров В.В. Указ. соч. С. 261–262.

О запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств – с поправками, внесенными 3 мая 1996 г. – Протокол II; О запрещении или ограничении применения зажигательного оружия – Протокол III; Об ослепляющем лазерном оружии – Протокол IV; Протокол по взрывоопасным пережиткам войны – Протокол V), Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении 1993 г., Конвенции о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении 1997 г., Римском статуте Международного уголовного суда 1998 г. и в ряде других документов.

Перечисленные документы являются подтверждением дальнейшего прогрессивного развития международного гуманитарного права.

3. Под влиянием идей Второй конференции мира получил последовательное развитие институт мирного разрешения международных споров, нашедший юридическое закрепление в Уставе ООН.

4. В порядке дальнейшего развития гуманитарных аспектов конвенций 1907 г. было сформулировано новое понятие «жертвы войны» и осуществлена разработка норм по защите лиц, подпадающих под это понятие, гражданских объектов (включая культурные ценности), интересов нейтральных государств в сухопутной, морской и воздушной войне.

5. Правотворческий процесс Второй конференции мира оказал влияние на становление и дальнейшее развитие принципа ответственности государств за нарушение норм международного публичного права и уголовной ответственности физических лиц за совершение международных преступлений, а также на учреждение органов международного правосудия, включая создание международных судебных органов для привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших международные преступления.

6. Вторая конференция мира оказала воздействие на дальнейшее совершенствование правового статуса воюющих (комбатантов) как законных участников вооруженных конфликтов, совершенствование норм по ограничению применения методов и средств ведения войны.

7. Принятые на Второй конференции мира международно-правовые акты оказали решающее влияние на дальнейшее развитие науки международного гуманитарного права, формирование его отраслевых принципов и институтов.

8. Конвенции 1907 г. оказали заметное влияние на дальнейшее совершенствование и развитие национальных правовых систем мира

в связи с имплементацией международно-правовых норм в этой области в законодательство и ведомственные правовые акты силовых органов государств²⁷.

В заключение следует подчеркнуть, что исторический успех Второй конференции мира стал возможным благодаря нашему соотечественнику, видному публицисту, ученому юристу-международнику, советнику русских царей по внешнеполитическим вопросам, заведующему кафедрой Санкт-Петербургского университета профессору Федору Федоровичу Мартенсу, внесшему огромный вклад в становление, развитие и кодификацию международного права, его практическое применение в интересах России и мирового сообщества того времени. Как правильно отмечал профессор В.В. Пустогаров, в его деятельности как советника по внешнеполитическим вопросам поражает широта охвата и масштабность: США и Балканы, Турция и Египет, Китай и Афганистан, Берлинская и Гагская конференции и т.д. Вклад Мартенса в формирование российской внешней политики оказывается никак не меньшим, чем у многих послов и посланников, руководящих чиновников МИД. Скрытая от общественности деятельность Мартенса как советника выдвигает его в ряды видных дипломатов России²⁸.

²⁷ Так, например, об уважительном отношении дореволюционной России к соблюдению норм международного гуманитарного права говорит «Положение о военнопленных», утвержденное Его Императорским Величеством и объявленное приказом военного министра 1914 г. № 697. Структура этого документа свидетельствует о достаточно подробном закреплении в нем правового статуса военнопленных, включавшего такие разделы, как общие положения; о нахождении военнопленных в районе расположения действующих войск; о нахождении военнопленных на сборных пунктах и о дальнейшем препровождении их в места назначения; о помещении военнопленных внутри империи и надзоре за ними; о довольствии военнопленных.

²⁸ Пустогаров В.В. Указ. соч. С. 269.

Second Hague Conference of Peace of 1907 and Further Progressive Development of International Humanitarian Law (Summary)

*Ivan I. Kotlyarov**

The author of the article focuses on the outcomes of the Second Hague Conference of 1907 and offers an in-depth analysis of the respective documents adopted on this Conference. The author also analyses the results of the first Hague Conference in order to highlight and interpret the results of the second.

The author arrives to the following conclusions about the international importance of the Hague Conferences: first they demonstrated political activity of Russia on the international arena; second they accumulated legal norms already existing but not codified and gave impetus for further development of the norms and ideas contained therein; ideas of the Conferences influenced the development of the concept of peaceful settlement of disputes, which was later on incorporated into the UN Charter; new notion of “victims of war” was introduced and deliberated; ideas of the Conferences had impact on the shaping and development of the concept of responsibility of states for breach of international legal norms; the legal status of combatants was elaborated and further developed; Conferences greatly influenced the development of science of international humanitarian law; results of the Conferences lead to the improvement and development of the provisions of internal legislation due to the implementation of international legal norms.

In the conclusion the author states that the Conferences themselves and their respective results became possible due to the efforts of Fedor Fedorovich Martens, an outstanding scholar of international law, famous publicist, advisor to Russian tsars on international issues, professor and head of the Chair of St. Petersburg University.

* Ivan I. Kotlyarov – Professor of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.